

Городская политика и городское (со)управление

Современный город в социологической перспективе символизирует разнообразие и динамизм: плотные и интенсивные потоки людей, информации, материальных и нематериальных объектов формируют крайне нестабильный и малопредсказуемый пространственный (landscape) и временной (timescape) ландшафты. Как из этого хаоса рождается и переопределяется порядок? Как возможна координация различных игроков городского управления: от жителей с их повседневными нуждами комфортной среды, доступного транспорта и чистоты улиц, до застройщиков с их интересами максимизации пространственной и финансовой прибыли, и архитекторов, отстаивающих эстетическую и функциональную составляющую облика городского пространства? В данном тематическом разделе мы представляем результаты ряда исследований, которые смотрят на проблему координации в городском управлении с разных сторон и позволяют сделать вывод о том, что городской порядок поддерживается целым набором инструментов и практик, разворачивающихся на формальных и неформальных аренах взаимодействия, а также с привлечением множества игроков. Иными словами, порядок в городе возникает не в результате действия каких-то централизованных сил или политики, а по итогам направленных усилий жителей, чиновников, экспертов в области городского планирования и множества других сторон при осмыслении и предъявлении своих интересов друг другу.

Исследования в данной подборке статей объединяет фокус на трех ключевых элементах городского управления: игроках, аренах и практиках/инструментах координации. В русле исследований, посвященных «городскому соуправлению» («urban governance») ¹, наш тематический блок охватывает широкий круг участников взаимодействия: от местных жителей, практикующих «силовое соседство» для поддержания порядка в новом жилищном комплексе, до экспертов в области городского планирования, осуществляющих перенос практики «правового зонирования» в новый контекст. Авторы анализируют действия игроков как на формальных (в городских и региональных парламентах и бюрократических учреждениях), так и на неформальных аренах — уличных акциях протеста и соседских чатах. Такой охват позволяет сделать некоторые (предварительные) выводы о паттернах и механизмах координации действий в пространстве современного города.

Во-первых, все исследования объединяет тема динамизма: положение игроков относительно друг друга встроено в контекст широких изменений и достигает лишь относительного равновесия, требующего переопределения в результате более широких трансформаций. Статья *Наталии Волковой* на примере «Правил землепользования

1. Reddel T., Woolcock G. (2004). From Consultation to Participatory Governance? A Critical Review of Citizen Engagement Strategies in Queensland // Australian Journal of Public Administration. № 63. P. 75–87; Pierre J. (2011). The Politics of Urban Governance. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

и застройки» демонстрирует, как перенос этого инструмента в российский контекст усилиями специалистов по городскому планированию и законодателей, начавшись как попытка адаптации к рыночным условиям, завершился существенным изменением в его содержании и имплементации. В частности, градостроительная реформа, сопровождавшаяся изменениями в репрезентации и процедурах ПЗЗ, привела к (рас)координации акторов городского управления: застройщиков, горожан как участников публичных слушаний и т. д. Исследование *Всеволода Бедерсона* и *Элеоноры Минаевой* демонстрирует, как застройщики при переносе градостроительных полномочий с муниципального на уровень региона координируют свои интересы, а также реагируют на «сигналы сверху» от представителей публичной власти. *Андрей Семенов* предлагает новый аналитический инструмент для отслеживания последовательности взаимодействий ключевых игроков, вовлеченных в городские конфликты: горожан (активистов), чиновников, застройщиков и других сторон, и показывает, насколько разнообразной может быть динамика таких взаимодействий.

Во-вторых, в статьях данной подборки описывается, как игроки, арены и практики/инструменты координации зачастую выступают в роли «медиаторов» интересов различных групп. Важные вопросы, обсуждаемые авторами, это условия, при которых чиновники становятся проводниками интересов горожан на формальных аренах (см. статью *Елены Тыкановой*, *Ирины Шевцовой* и *Анны Желниной*); каким образом и насколько эффективно инструменты городского планирования служат «фокальными точками» для обсуждения проблем городского развития (этому сюжету посвящена статья *Наталии Волковой*); насколько часто «четвертая сторона» — посредники становятся участниками городских конфликтов (как показывает анализ *Андрея Семенова*). Внимание к роли «четвертой стороны» имеет важное эпистемологическое значение для развития научной дискуссии в социологии города, в которой зачастую делается акцент исключительно на конфронтации жителей и застройщиков/власти, игнорируя роль посредников.

Наконец, объединяя выводы этих материалов, мы резюмируем, что игроки, арены и практики/инструменты координации в городе тесно переплетены и могут быть разделены лишь аналитически: по большому счету горожане — жители одного высотного ЖК на окраине города — в исследовании *Любови Чернышевой* в своих спорах о заботе и управлении общим имуществом реагируют на политику «респонсификации», инициированную федеральной и региональной властью. Одним из проявлений «неолиберального коммунитаризма», в свою очередь, является перенос и адаптация практики правового зонирования, позволяющие инкорпорировать интересы застройщиков в процесс городского развития. Последние, в свою очередь, используют множество арен (от партии власти до городских ассамблей и региональных legislатур) для продвижения своих интересов, которые, однако, не всегда реализуются на практике, поскольку жители обладают собственной агентностью и набором инструментов для сопротивления. Такая сетевая комплексность, с одной стороны, подтверждает модель «городского соуправления», с другой — ставит множество новых вопросов для современной социологии города.